

ПЗ
П19

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПАМЯТНИКИ И УГОЛКИ

П. ПАСТУХОВ

НА БЕРЕГАХ
СОРОТИ

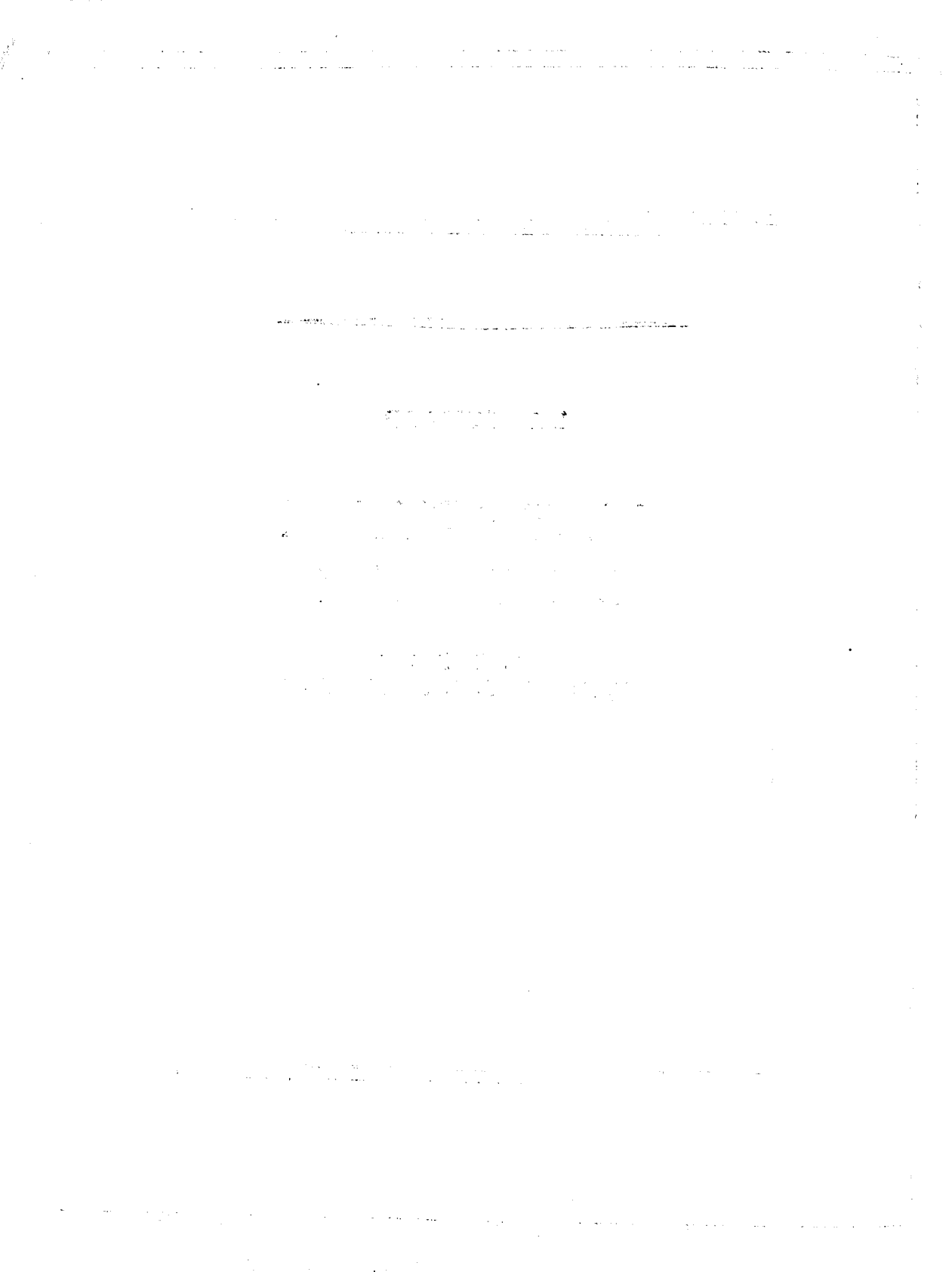
ЗАМЕТКИ
О ПУШКИНСКИХ МЕСТАХ

МОСКВА

ГОСАИТМУЗЕЙ

1949

Михайловское. Домик няни.

Пз
1719

**Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Е
П А М Я Т Н И К И
И У Г О Л К И**

П. ПАСТУХОВ

**НА БЕРЕГАХ
ПУШКИНА**

**Заметки
о пушкинских местах**

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ИЗДАНИЙ ГОСЛИТМУЗЕЯ
ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА**

МОСКВА

Г О С Л И Т М У З Е Й

1949

Зарисовки пушкинских мест с натуры
автора книги *П. Пастухова*

Обложка и оформление книги
А. Константинова

Пушкинский Заповедник

БИБЛИОТЕКА

Изд. № 14236

ТРИГОРСКОЕ. Маленькая, незаметная станция. Вокруг холмы, поросшие сосняком. Песчаная тропинка ведет к могиле А. С. Пушкина. С детских лет остался в памяти рисунок колокольни Святогорского монастыря. Вскоре она показалась между верхушками сосен.

Поднявшись к памятнику по древней каменной лестнице, с пучками травы в расселинах, я увидел простую надпись: «Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве, 26-го мая 1799 года, скончался в С.-Петербурге 29-го января 1837 года». Памятник стоял еще в тени, и только вверху на деревьях светилось солнце. Надмогильные цветы дышали ночной свежестью, радостно пели птицы. Высокие деревья вокруг взгорья как бы охраняют покой могилы, окруженной мраморной балюстрадой¹. Лицевой стороной памятник обращен к абсидам старинного храма б. Успенского собора, построенного в 1569 г. по приказу Ивана Грозного. В архитектуре храма видны существенные черты псковского зодчества: основной массивный дуб, почти лишенный декоративных элементов, с таким же массивным широким барабаном и большим куполом луковицей.

Вблизи памятника старые чугунные плиты с полустертыми надписями. Здесь погребены дед и бабушка поэта — Осип Абрамович и Мария Алексеевна Ганнибал.

¹ Балюстрада сооружена в юбилейном 1899 г.

МИХАЙЛОВСКОЕ. Большой сосновый бор. Озеро, в котором отражается порозовевший запад. Слышится шелканье аиста. Мне говорили, аистов здесь развели при сыне поэта Григории Александровиче, чтобы избавить Михайловское от змей ¹.

И правда, так странно видеть на фоне северного пейзажа этих больших домовитых птиц, их всклокоченные гнезда на верхушках высоких елей, тяжелый их полет.

Густою стеною тянется сосновый бор по берегу озера, местами высоко поднимаясь и редая. На высоте сквозь широкие просветы деревьев необозримо волнуются легкие дали. На фоне михайловской природы оживает образ Пушкина. Кажется, где-то здесь, по берегу озера, проходил великий изгнанник, и ветер так же раскачивал высокие сосны, убегаля на холмы, которые остались такими, какими их видел поэт.

Живописная тропинка поднимается по зеленому берегу к домику няни, единственному из вещественных памятников времен поэта ². Домик густо зарос акациями и сиренью, и в его замутневших стеклах поблескивает вечерний свет.

Здесь жил в ссылке Пушкин.

Полный кипучей энергии, никогда не остывающей пылкости, в сущности еще юноша (Пушкину было всего 25 лет, когда его выслали из Одессы в Михайловское), он тяжело переживает первые месяцы своего заточения.

Опальный поэт находится сначала под надзором отца, а после его отъезда из Михайловского — под двойным надзором: властей и игумена Святогорского монастыря. Это время полно скорбных мыслей, гнетущей тоски. Не осуществились планы побега, и, полный отчаяния, Пушкин решается умолять Жуковского спасти его «хоть крепостью, хоть Соловецким монастырем» ³.

В эти суровые дни самым близким другом поэта была его старая няня Арина Родионовна. Он называл ее «мамушкой», «мамой».

Сказки няни, привлекавшие Пушкина еще в детстве, в годы вынужденного одиночества в Михайловском заполняли его досуг.

«Вечером, — пишет он брату в ноябре 1824 г.; — слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки, каждая есть поэма!»

«Она — единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно», — говорит он в письме к Д. Шварцу ⁴.

¹ При нем также был посажен огромный вяз в центре усадьбы, посредине скверика.

² Домик случайно уцелел при пожаре в феврале 1918 г. и был реставрирован Опо-чечским отделом народного образования, в годы Великой Отечественной войны был сожжен немцами и теперь восстановлен вновь.

³ Письмо В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г.

⁴ Декабрь 1824 г.

С няней поэт делился и плодами своих творений:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

(«Евгений Онегин»)

Первым слушателем созданного здесь «Бориса Годунова» была Арина Родионовна.

В Михайловском, в «глуши лесов сосновых», под завыванье зимней бури льются печальные строки:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей ¹.

В вечерней тишине прошелестела стайка диких уток. Здешних уток поэт вспомнил в «Онегине»:

Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.

Да и вообще все пейзажи «Евгения Онегина» — впечатление чарующей природы Михайловского и Тригорского.

Почти все, что связано у Пушкина с изображением природы, имеет своим источником природу этих мест, а строки из «Деревни» поражают безупречной точностью изображения:

... Я твой — люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят,
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,

¹ «Зимний вечер», 1825 г.

Где парус рыба́ря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...

Аллея сумрачных вековых елей, ведущая в усадьбу, таинственно погружается в ночь. Эти статные, огромные ели слышали колокольчик, возвестивший 11 января 1825 г. приезд И. И. Пущина, одного из самых близких друзей Пушкина. Этот день поэт отметил стихотворением «И. И. Пущину»:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней!

Декабрист И. И. Пущин оставил нам яркое описание незабываемой и глубоко взволновавшей обоих друзей встречи¹.

«Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим...

... Наконец, пробила слеза (она и теперь, через тридцать три года, мешает писать в очках), мы очнулись...».

Возникает здесь в памяти и стихотворение «19 октября», написанное в Михайловском, — поистине вызывающее «дивное волнение». С какой душевной прямоотой, ясной искренностью, человечностью во всей ее пушкинской глубине в чеканных восьмистишиях поэт запечатлел в нем свои неразделенные, печальные и радостные, переживания.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую зашла бы я разлуку,

¹ И. И. Пущин, «Записки о Пушкине», ГИХЛ, М., 1937.

Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображение
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближение,
И милого душа моя не ждет...
Из края в край преследуем грозой,
Запуганный в сетях судьбы суровой.
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...

И никого из друзей своих поэт не забыл в изгнании. Дружба для него священна.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных выюг и хлада.
Мне сладкая готовилась отрада:
Трех из вас ¹, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лицея превратил.

Празднуя в одиночестве лицейскую годовщину, поэт вопрошает:

Кому ж из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?

И, с присущей ему полнотой гармонического мироощущения, с всегда светлым, свободным умом, в мягких мажорных созвучиях он завершает:

Несчастный друг! Средь новых поколений
Доучный гость, и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пусть же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

¹ Дельвиг, Пушкин, Горчаков.

Деятельная, большая переписка с друзьями, знакомыми заполняет дни одиночества поэта.

Письма эти — непревзойденный образец эпистолярной литературы: лаконичность, простота изложения, богатство языка, меткость суждений, глубина мысли в сочетании со сверкающим остроумием; сердечная правдивость, благоволение к человеку, мудрое бесстрашие пред неизбежным, грустная ирония, бичующее презрение к пошлости, ненависть к крепостнической России.

Страшную весть ему пришлось услышать здесь — весть о казни декабристов. Более 120 декабристов (в их числе любимый Пушкин) сосланы на каторгу в Сибирь.

«Правда ли, — пишет он П. А. Вяземскому 14 августа 1826 г., — что Николая Т[ургенева] привезли на корабле в П[етер] Б[ург]? Вот каково море наше хваленое! Еще-таки я все надеюсь на коронацию. Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей, ужасна».

Но надежды Пушкина на милость царя не оправдались.

Все испытания и горести, перенесенные в заточении (известие о казни декабристов в особенности), не угашали творческого духа поэта. Растут и крепнут его нравственные силы, расцветает его гений. Здесь им написано свыше ста стихотворений, трагедия «Борис Годунов», «Граф Нулин», окончены «Цыганы», три главы «Евгения Онегина», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Жених», «Андрей Шенье», «Подражания Корану», «Пророк». Отныне засияло имя Пушкина: имя первого русского национального поэта.

Михайловское и его окрестности — когда-то заброшенный, глухой уголок — теперь стали любимым местом почитателей великого поэта. Сюда приходят экскурсанты со всех концов нашей многонациональной страны. Достопримечательности этих мест являются объектом постоянного, внимательного, серьезного изучения.

* * *

Однажды летним утром я сидел за работой над озером Маленец. Передо мною, как живой памятник, стройно возвышался лесистый холм¹, отраженный в спокойной голубоватой воде с белыми полосами от легкого прикосновения ветерка.

Возле меня остановился пожилой крестьянин, лет пятидесяти. Он учтиво поздоровался. Мы обменялись несколькими словами по поводу

¹ Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны.

(Из элегии «Вновь я посетил...»).

этих, как он выразился, «знаменитых мест». Собеседник оказался из колхоза «Зуева гора». Прежнее название Михайловского — Зуево — живет теперь в названии этого колхоза.

Возвращаясь обратно, в село Воронич, «на границе владений дедовских, на месте том, где в гору подымается дорога», я встретил группу экскурсантов. Одна из девушек, отделившись от группы, повернулась в сторону Тригорского, низко поклонилась, и над солнечными полями бодро прозвучали в ее устах знакомые строки:

От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.

Эти слова так полны здесь живого трепета, будто вчера написаны. И еще вспоминаю: как-то под осень я встретил девочку-школьницу. Она шла с книжками и тетрадями из Пушкинских гор и несла букетик бессмертников.

Спрашиваю:

Где ты нашла такие крупные бессмертники?

— У «трех сосен».

Сосен давно уж нет, но живет память о них в пушкинской элгии:

Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.

* * *

Липовая аллея в Михайловском, «аллея Керн», как теперь ее называют¹. Эта аллея одна из самых красивых здесь, привлекает особое внимание, являясь ярким фрагментом в истории жизни поэта.

Встреча Пушкина с Анной Петровной Керн, посетившей поэта в июне 1825 г., бурно всколыхнула душевный мир поэта. Когда на другой день А. П. должна была уехать, «Пушкин, — как вспоминает Керн об этой прогулке в Михайловское, — пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр II главы «Онегина», в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как тень чистой красоты.

¹ Большие и глубокие дупла этих лип были тщательно «запломбированы» в 1935—1936 гг. В некоторые, самые большие, дупла понадобилось до 12 ведер цемента.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь!»¹.

* * *

Близится вечер. Опять щелкают аисты, предвещая ночной отдых. Аллея погружается в дремоту. Нежно звенят синицы.

Дряхлеющие липы тонут в сумраке, кое-где вверху просвечивает осеннее небо.

Пройдя усадьбу, спускаюсь к озеру. Ни звука. «Лесистый холм» отражен в зеркально-неподвижной воде. Быстро опускается сентябрьская ночь и поднимается серебряный месяц.

На месте «трех сосен» открываются далекие просторы. В лунном тумане виднеется Тригорский парк.

Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

Вспоминаешь... и невольно останавливаешься взволнованный.

¹ А. П. Керн. «Воспоминания», «Academia», Л., 1929.

* * *

Над Тригорским пронеслась сильная буря. Запомнилось это потому, что здесь не без тревоги думаешь о последствиях бури: не унесла ли она с собою еще что-нибудь из последних заповедных реликвий, так бережно хранимых теперь.

Во второй половине дня небо насупилось взъерошенными, беспокойными облаками. Все стихло, подавленное надвигающейся грозой. Вихрем взвилась соломенная крыша перед моим окном; молодые ветлы приникли к самой земле. Молния рассекла тьму, и низринулся ливень, приглушая громовые раскаты. Сороть разлилась, как озеро, и по-новому блестя во мгле.

На следующий день я пошел в парк. Было пасмурно, моросил дождь. У выхода из парка я увидел следы вчерашней бури. Восемь или девять богатырей (то были липы и ели) пали в неравном бою. Казалось, они еще жили — так свежи и ароматны были их поникшие ветки, вздрагивавшие от падавших на них капель дождя. Вокруг было тихо, и беззаботно щебетали птицы. Пройдя дальше, я с радостью увидел, что все сохранившиеся от пушкинских времен так называемые «солнечные дубы» (по которым Пушкин узнавал время) уцелели.

Нетронутым стоял на возвышении могучий «патриарх лесов», бросив на землю, как легкую дань стихии, несколько сухих веток.

Я вышел из парка к Сороти. Отсюда видно Михайловское. Когда-то здесь шумная семья тригорских обитателей всматривалась в дорогу: не идет ли Пушкин?

* * *

В Тригорском поэт нашел успокоение от первых, острых мук одиночества, сердечное внимание, дружеский прием. В доме П. А. Осиповой у Пушкина была отдельная комната для работы. На всю жизнь сохранил он самые дружественные отношения с Прасковьей Александровной. В одном из писем к ней поэт пишет:

«Мы ждем осени, однако у нас еще было несколько хороших дней, и благодаря вам на моем окне постоянно цветы. — Прощайте, сударыня, примите уверение в моей нежной и почтительной преданности. Верьте, что на земле нет ничего истинного и хорошего, кроме дружбы и свободы. Вы научили меня ценить прелесть первой»¹

И в конце жизни поэт мечтал навсегда обосноваться в этих полюбившихся ему местах и быть постоянным ее соседом. Но этим мечтам не суждено было сбыться.

¹ 8 августа 1825 г. Михайловское. Письмо в оригинале — по-французски.

Все стихотворения, посвященные Тригорскому, полны ласкового тепла, душевной благодарности, сердечного мира.

В стихотворении «Простите, верные дубравы», навеянном первым пребыванием в Тригорском (в 1817 г., по окончании лицея), Пушкин говорит:

Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

Вот ирония горестной судьбы поэта: «сладкое мечтанье» сбылось... «Липовые своды» и «скат тригорского холма» стали местами его двух-летней ссылки.

Невольно представляешь себе здесь дорогого гостя из Михайловского, сидящего на «диване Онегина»¹ под сенью лип и кленов, внимающего голосам природы и внутреннему голосу своей строгой и ясной музыки. Неподдалеку от «дивана Онегина», на спуске к Сороти, сохранился поросший травой фундамент баньки, где ночевали Пушкин с Языковым, когда дом был переполнен гостями.

Напротив баньки — любимое место купанья тригорской молодежи.

Тригорское на редкость живописно. Оно расположено на открытом и высоком месте. Даже площадка для танцев, — так называемый «зеленый зал», где веселилась тригорская молодежь, — обрамленная тенистыми вековыми липами, весь день полна игры полуденного света. Парк, разбитый на одном из трех холмов, с его разнообразной растительностью, тремя прудами, с уходящими в дымчатую даль, радующими глаз окрестностями, что открываются перед вами с «дивана Онегина» над обрывом, «шопот речки тихоструйной», мирной, ласковой Сороти, — незабываемая картина. Вдвойне прекрасны эти места: и богатством природы своей, и тем, что их воспел великий поэт.

Заканчивая «Онегина» (через четыре года после ссылки), Пушкин снова вспоминает Тригорское:

О, где б судьба ни назначала
Мне безыменный уголок,
Где б ни был, я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок;

¹ Скамья в парке над Соротью. «Скамья Онегина» (или «Диван Онегина») — так называли ее в семье Вульф и среди обитателей Тригорского. Это название сохранилось до наших дней.

Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила, —
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.
Нет, нет! Нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей, —
Вдали, один, среди людей,
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибрежных нив,
Вас, мир и сон тригорских нив.
И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы —
Приют, сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук,
Являлся он в наш сельский круг —
И нимфу Сороти прославил
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом.
Но там и я мой след оставил
И, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель.

Эта могучая, гигантская ель, запечатленная поэтом, стоит на главной аллее. Она — необычайной высоты, в два обхвата, с ровным стволом. По преданию, это одно из любимых в парке деревьев Пушкина.

ПОГОСТ ВОРОНИЧ. В пышном запустенье спит это маленькое, приветливое кладбище. Оно ютится на высоком холме, над Соростью, густо заросшее кустами шиповника, мальвой, лесной малиной. Благоуханье диких роз, и тишина, и ласточки в нагретом светлом воздухе.

В этом зеленом приволье, горячем от солнца, ослепительно блестит белый крест над могилой Алексея Вульфа ¹, и рядом с ним в узорной тени — мраморная плита над останками П. А. Осиповой ².

Зимним вечером в лютый мороз ямщики, везшие гроб с телом Пушкина в Святогорский монастырь, сбились с пути и подъехали чуть не под самые окна некогда гостеприимного дома Осиповой. Вот уж, поистине, «последнее прости» поэта с другом юности.

Напротив могилы П. А. Осиповой — через луга, поля и перелески — вечный приют великого поэта.

Неподалеку от кладбища зарастают травой и мелкими кустарниками остатки фундамента ее дома ³. Кусты сирени расцветают над пелищем.

Здесь, как затаенный родник, немолчно звучит древняя повесть о славе и горестях былых времен, растущей в борьбе Руси.

И поколение за поколением растут в лучах бессмертной славы того, кто стал великой гордостью нашей освобожденной родины.

Сбылась пророческая мечта поэта —

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

¹ Сын П. А. Осиповой, приятель Пушкина.

² Плита отлично реставрирована летом 1935 г.

³ Дом сгорел в феврале 1918 г.

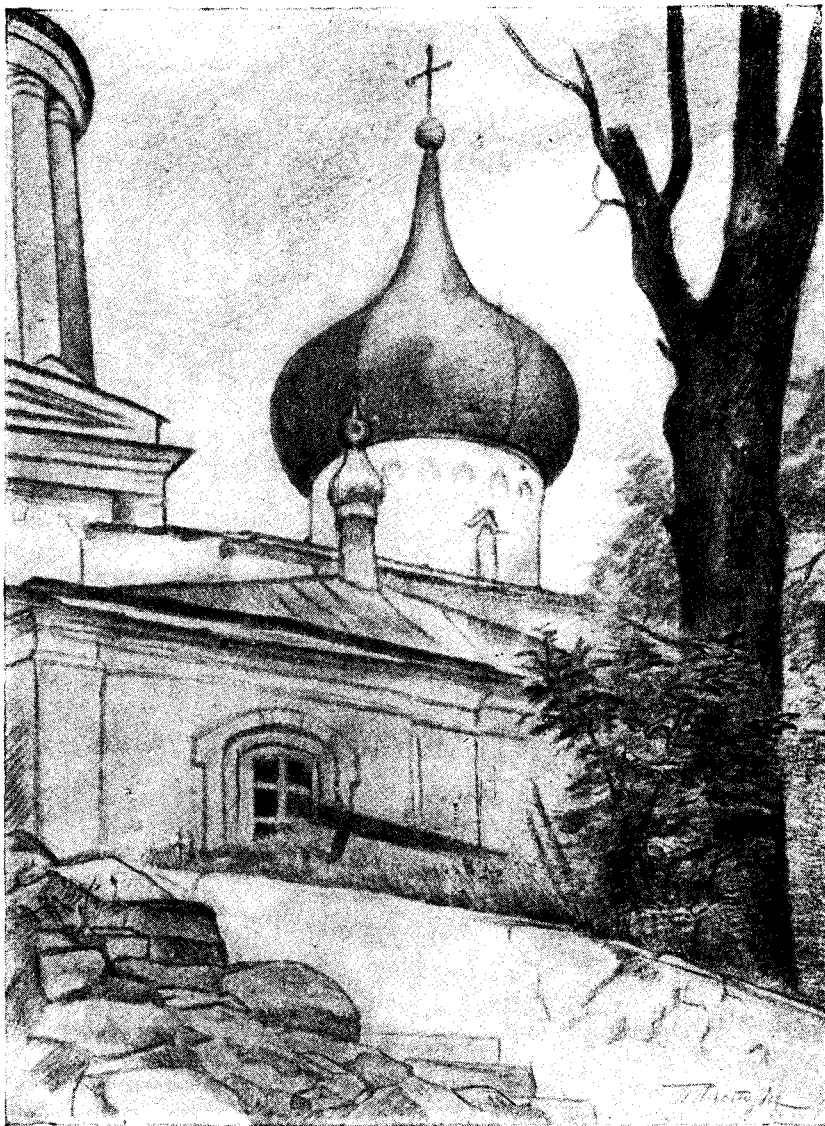

ИЛЛЮСТРАЦИИ

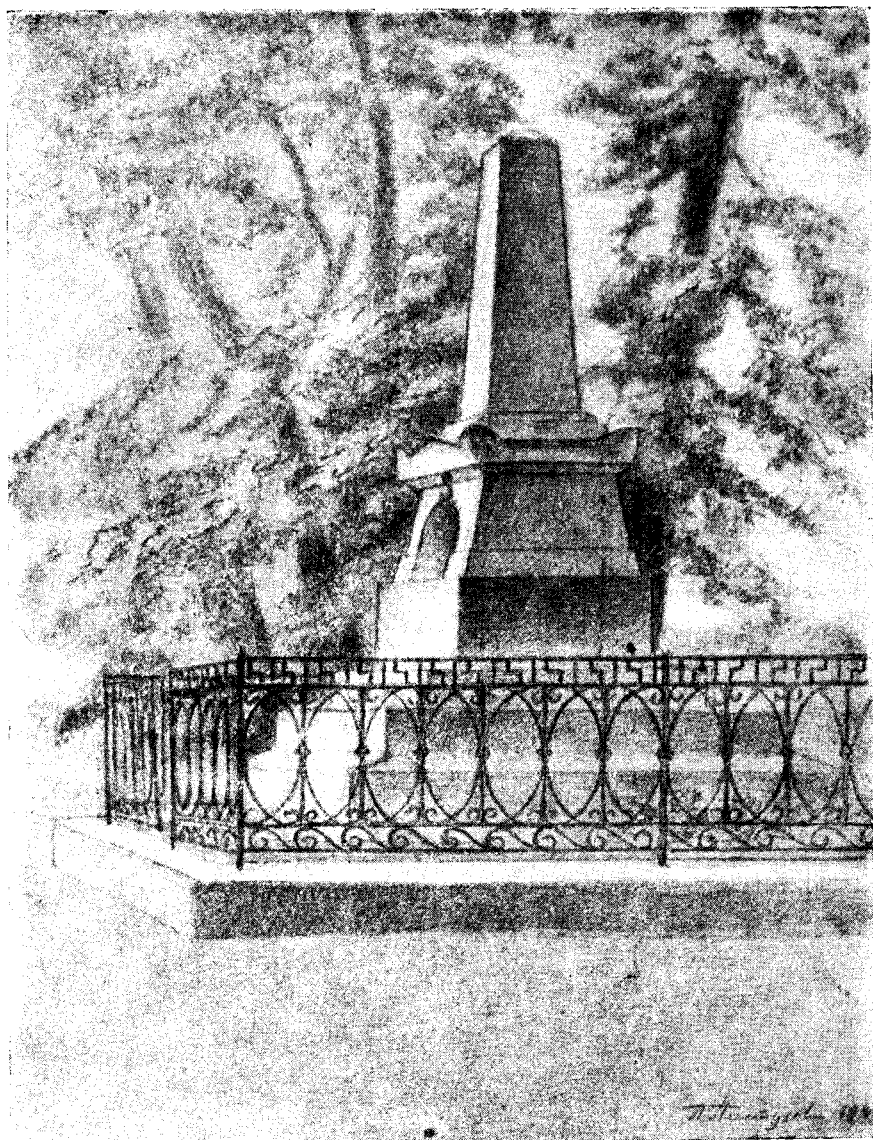

БЕЛАНОВИЧ, В. П.

БЕЛАНОВИЧ
1942 № 14236

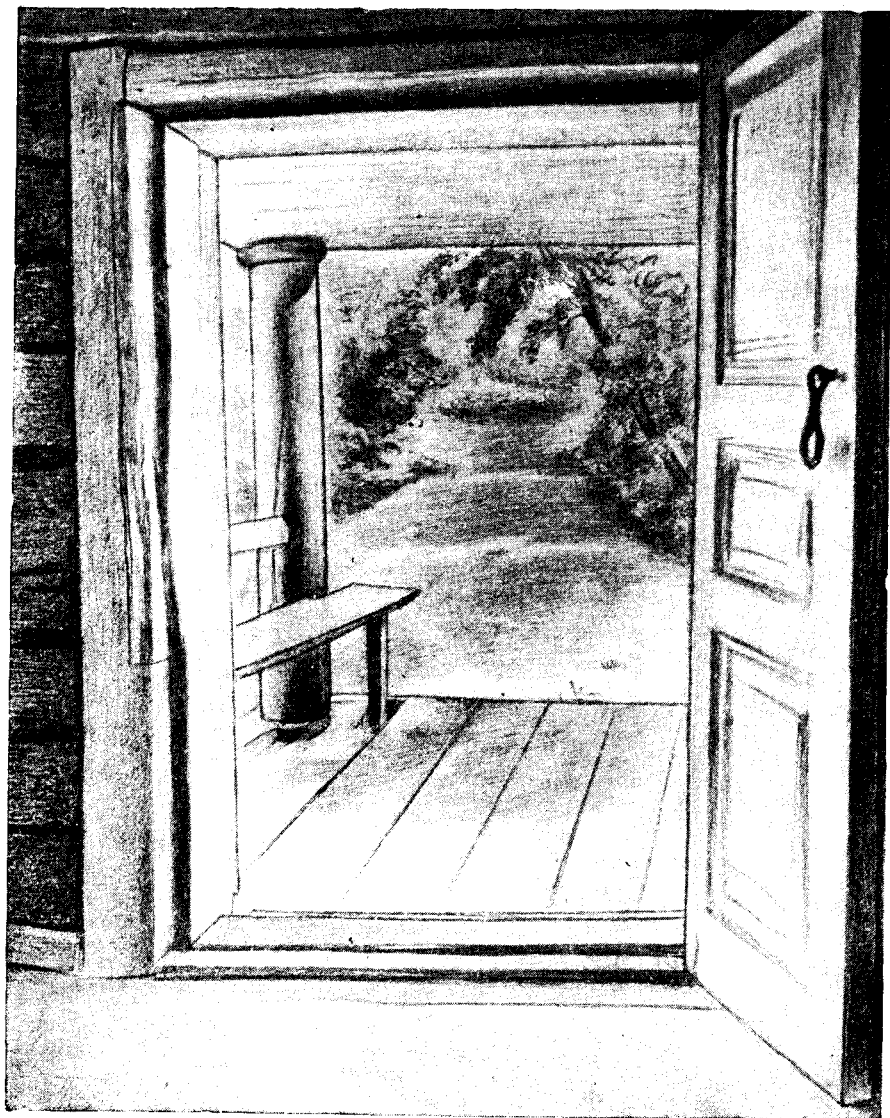
Пушкинские горы. Деталь Успенского собора, бывш. Святогорского монастыря

Пушкинские горы. Могила А. С. Пушкина

Вид на озеро Маленец и Михайловский бор

Вид из домика пияни

Липовая аллея в Михайловском

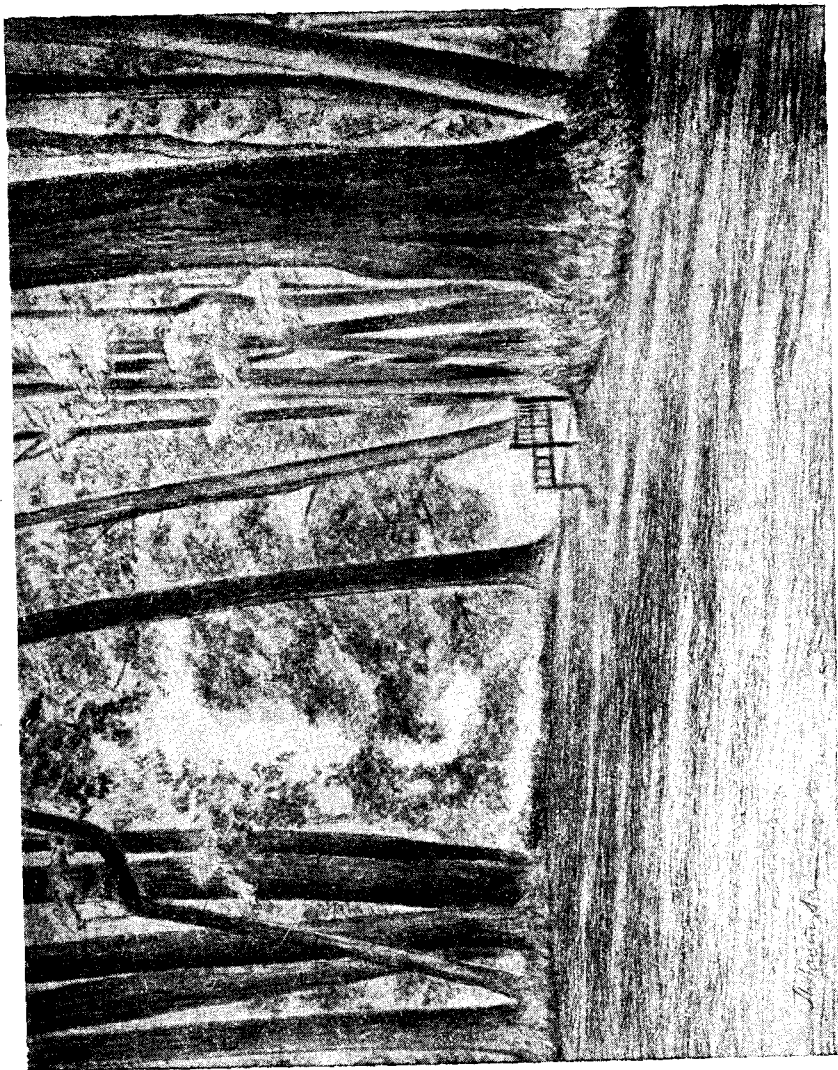
Дуб «патриарх лесов» в Тригорском парке

«Солнечный» дуб в Тригорском

Тригорское. Насыль в парке, где стояла баня

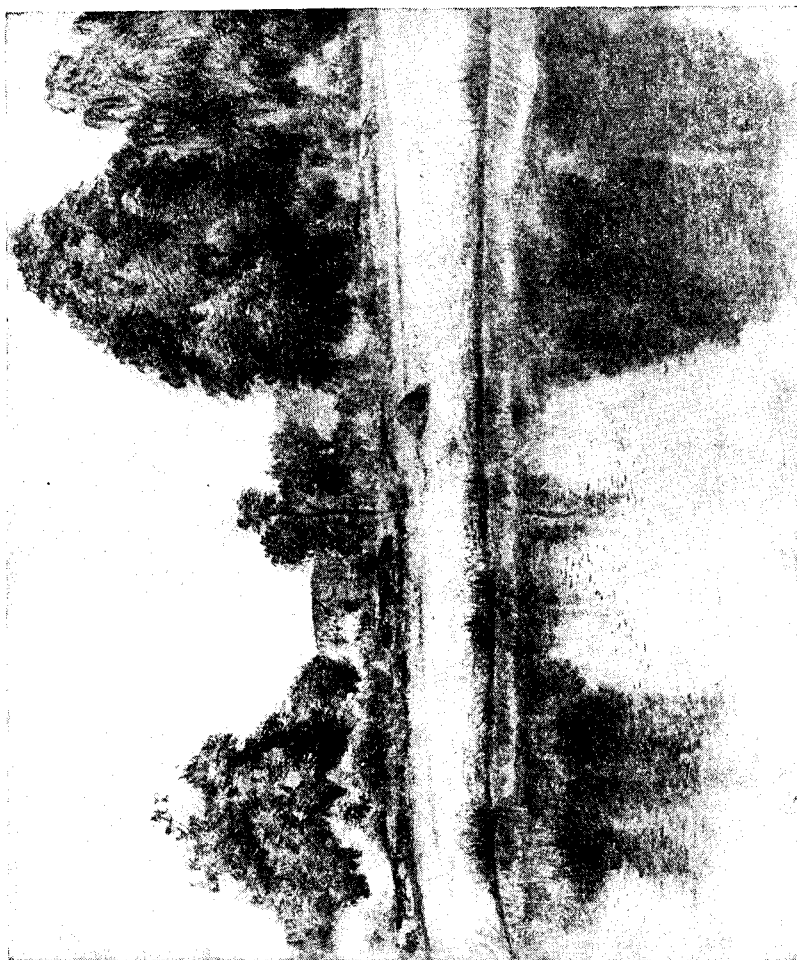
Тригорское. «Зеленый зал» — площадка для танцев.

«Лесистый холм»

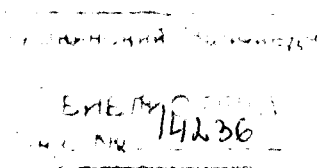
Путь из Михайловского в Тригорское

Пруд в Тригорском и остатки фундамента дома Осиповой

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГЕ

	Стр.
Михайловское. Домик няни	2
Пушкинские горы. Деталь Успенского собора, бывш. Святогорского монастыря	19
Пушкинские горы. Могила А. С. Пушкина	20
Вид на озеро Маленец и Михайловский бор	21
Вид из домика няни	22
Лиловая аллея в Михайловском	23
Дуб «патриарх лесов» в Тригорском парке	24
«Солнечный» дуб в Тригорском	25
Тригорское. Насыпь в парке, где стояла баня	26
Тригорское. «Зеленый зал» — площадка для танцев	27
«Меситый холм»	28
Путь из Михайловского в Тригорское	29
Пруд в Тригорском и остатки фундамента дома Осиповой	30

Редактор *А. Г. Лундин*
Технический редактор *З. П. Эстрова*

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
5	1 сверху	Тригорское	Тригорская
5	6 сверху	дуб	куб
10	5 сверху	лесистый холм"	"лесистый холм"
24	подпись под рисунком	Дуб „патриарх лесов“ в Тригорском парке	Дуб „патриарх лесов“ в тригорском парке

Зак. № 3113.

Цена 2 р. 50 к.